

УДК 347.189

ББК Ш103.2

ГСНТИ 16.21.21; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Е. А. Нахимова E. A. Nakhimova

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСНОЙ
МЕТОДОЛОГИИ
ПРИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН****THE USE OF CORPUS
METHODOLOGY
IN COMPARATIVE STUDY
OF PRECEDENT NAMES**

Аннотация. Использование корпусной методологии при исследовании прецедентных имен имеет существенную специфику, которая связана со значительной исторической изменчивостью их арсенала и тенденцией к низкой частотности. Соответствующий корпус должен позволять обнаруживать разнообразные контексты, в которых использованы соответствующие имена, и быть максимально объемным. Опыт показывает, что в качестве такого оппортунистического (приспособленного) корпуса могут выступать интернет-архивы СМИ.

Abstract. The use of corpus methodology in the study of precedent names has its specific features, which are connected with their serious historical changeability and the tendency to low frequency of occurrence. The corpus should make it possible to single out different contexts where certain precedent names were used, and it should be as large as possible. The experience shows that Internet archives of Mass Media may serve as opportunistic (adapted) corpus.

Ключевые слова: лингвистический корпус; корпусная методология; прецедентность; имя собственное; оппортунистический корпус.

Key words: linguistic corpus; corpus methodology; precedence; proper name; opportunistic corpus.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью.

About the author: Nakhimova Elena Anatolievna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of Advertising and PR.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

К числу прецедентных относятся имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб [Гудков 2003: 108]. Ведущие признаки прецедентности имени — это его широкая известность и распространность метафорического использования без специального пояснения истоков метафоричности [Нахимова 2011]. С учетом общекогнитивного принципа «фамильного сходства» в качестве дополнительных признаков прецедентности целесообразно учитывать также иные показатели, в том числе графические (написание со строчной буквы), пунктуационные (использование кавычек), морфологические (образование форм множественного числа), сочетаемостные, деривационные.

В самых различных лингвокультурных сообществах английский король *Ричард Львиное Сердце* символизирует воинскую доблесть, *Генрих VIII Синяя Борода* — жес-

токость к возлюбленным, а французские *Людовики* — абсолютное самовластие. Полководческие таланты символизируют *Гай Юлий Цезарь* и *Наполеон Бонапарт*, безмерную жестокость — римские императоры *Нерон* и *Калигула*. Для русского национального сознания многое значат прецедентные имена *Дмитрий Донской*, *Иван Грозный*, *Петр Великий*, *Екатерина Великая*, *Александр I*, *Николай II*, которого одни называют *Кровавым*, а другие — *Святым*. В последние годы количество прецедентных концептов, используемых в средствах массовой коммуникации, заметно расширяется, растет и частотность их использования, что связано, в частности, с особенностями постмодернистской парадигмы, характерной для современной коммуникативной ситуации.

Прецедентные имена — это важная часть национальной культуры и языковой картины мира, яркий показатель специфики народного самосознания, рефлексии нации по поводу собственной истории и культуры. Одновременно это эффективное средство этической, эстетической, утилитарной, нор-

мативной, эмоциональной, интеллектуальной оценки современников путем их сопоставления с людьми, которые жили в иных исторических условиях, или с героями художественных произведений.

Изучение активно используемых прецедентных имен может предоставить интересный материал для оценки ментально-вербальной базы, эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора. Подобное исследование позволяет лучше понять представления создателя текста о его адресате. Рассмотрение арсенала прецедентных имен предоставляет интересный материал для постижения специфики национальной ментальности на соответствующем этапе развития общества [Нахимова 2011]. Как известно, каждая историческая эпоха выстраивает свой вариант исторического развития общества и рождает свои представления о качествах той или иной личности [Слышкин 2007]. Очевидно, что образы Ивана Грозного, Николая I или Александра II Освободителя неодинаково воспринимались в начале прошлого века, в его середине и в современную эпоху. В зависимости от политической ситуации на том или ином этапе развития общества оказываются востребованными различные прецедентные имена, при использовании которых акцентируются то одни, то другие смысловые компоненты. В частности, Александр II может быть представлен и как освободитель крестьян, и как реформатор судебной системы, и как жертва террора, и как сторонник политического либерализма.

Использование корпусной методологии при исследовании прецедентных имен имеет существенную специфику, которая связана со значительной исторической изменчивостью их арсенала и тенденцией к низкой частотности.

Корпусная лингвистика базируется на постулате, в соответствии с которым языковедческие исследования должны основываться на данных больших массивов естественного языка, а не на отдельных (часто придуманных лингвистами) примерах (как это было принято, например, в генеративистике, акцентирующей внимание на интроспекции). В соответствии со сложившейся научной традицией лингвистическим (текстовым) корпусом называется совокупность текстов, которые прошли необходимую компьютерную обработку: размечены по определенной схеме и обеспечены поисковой системой, позволяющей легко выявлять те или иные лингвистические феномены [Баранов 2001; Национальный корпус русского

языка 2005; Плунгян 2005; Corpus Linguistics 2005 и др.]. При рассмотрении прецедентных имен корпус должен позволять обнаруживать разнообразные контексты, в которых использованы соответствующие имена, и быть максимально объемным.

Если ориентироваться именно на компьютерную методику создания и обработки корпуса, то следует согласиться с тем, что корпусная лингвистика как научное направление родилась в шестидесятых годах прошлого века под воздействием развития информационно-компьютерных технологий. Однако сама по себе идея создания больших корпусов текстов, на основе которых можно проводить лингвистические исследования, возникла значительно раньше. По существу одним из видов таких корпусов могут считаться словарные картотеки, на основе которых создаются толковые и иные словари, а также проводятся другие исследования.

Подробный анализ разнонаправленной эволюции корпусной лингвистики во второй половине XX — начале XXI в. представлен в ряде специальных работ [Баранов 2001; Национальный корпус русского языка 2005; Charteris-Black 2004; Corpus Linguistics 2005; Dipper 2008; Heid 2008; Leech 1991; Rissanen 2008 и др.]. В указанных обзорах показано, что в современной лингвистике корпуса при типизации противопоставляются по нескольким признакам:

- **специализированные** корпуса, в которых представлены только тексты, принадлежащие к определенному стилю, сфере коммуникации, автору (группе авторов), дискурсу, и **сбалансированные** корпуса, где представлены источники, относящиеся к различным функциональным стилям, жанрам, дискурсам, которые используются для получения выводов о языке в целом;

- **полнотекстовые, включающие полные тексты, и неполнотекстовые (отрывочные)** корпуса, включающие только определенное количество слов из текста и тем самым обеспечивающие количественное равенство долей из разных текстов;

- **открытые (пополняемые)** корпуса и **закрытые (непополняемые)** корпуса.

С точки зрения корпусной лингвистики, создание и использование корпуса представляет собой новую стратегию не только в качестве «метода, подчеркивающего значимость реальных фактов языка, но и в качестве теории, позволяющей по-новому взглянуть на природу ранее сформулированных положений» [Гвишиани, Герви 2001 : 49]. Использование корпуса позволяет, с одной стороны, привлечь для исследования максимально объемный материал, а с другой —

статистически точно описать особенности тех или иных феноменов в составе корпуса, четко разграничить типичное и единичное, малочастотное и, возможно, случайное.

Выбор для конкретного исследования типа корпуса зависит от целого ряда факторов, среди которых можно выделить организационные (поставленные задачи, существование возможности пользоваться соответствующим корпусом, наличие соответствующей компьютерной базы, потребность в специализированном или сбалансированном корпусе и др.) и лингвистические (высокая, средняя или низкая частотность слов, которые будут анализироваться, вероятность омонимии и степень многозначности и др.).

Современные русскоязычные корпусные исследования обычно базируются на материалах «Национального корпуса русского языка» (далее НКРЯ), объем которого составляет около 150 миллионов словоупотреблений (по данным на конец 2010 г.) и который доступен любому пользователю в Интернете по адресу ruscorpora.ru.

Следует, однако, отметить, что поскольку имена собственные часто относятся к числу относительно малочастотных слов, материалы указанного корпуса иногда не позволяют сделать достаточно обоснованные выводы. В связи с этим возникает необходимость использовать дополнительные источники, которыми могут стать в том числе интернет-архивы ряда российских СМИ. В специальных исследованиях подобные корпуса называются *оппортунистическими* (приспособленными), тогда как специально созданные лингвистические корпуса именуются *представительскими*.

Рассмотрим несколько примеров, свидетельствующих о том, что использование данных интернет-архивов СМИ (оппортунистических корпусов) при анализе имен собственных позволяет проанализировать контексты, которые не представлены в Национальном корпусе.

В публицистическом подкорпусе НКРЯ по запросу *Наполеон* с учетом всех словоформ обнаруживается 1433 документа. По аналогичному запросу в интернет-архивах газеты «Завтра» обнаруживается 134 употребления, «Комсомольской правды» — 278, «Известий» — 426, «Московского комсомольца» — 501 словоупотребление (итого 1339 словоупотреблений). Таким образом, оказывается, что при использовании четырех оппортунистических корпусов количество словоупотреблений возрастает почти вдвое.

Показательно, что данные НКРЯ и материалы указанных интернет-архивов не вполне совпадают: многие словоупотребления,

представленные в интернет-архивах, отсутствуют в Национальном корпусе. Это вполне закономерно, поскольку интернет-архивы являются полными, а Национальный корпус — представительским, не обязательно отражающим полные тексты возможных источников. Например, в интернет-архиве газеты «Комсомольская правда» зафиксирован такой контекст из статьи В. Устюжанина (29.11.2001): *Наш президент — Евгений Онегин сегодня*. Поиск данного контекста по прецедентному имени *Евгений Онегин* в НКРЯ не приносит результатов.

В нашем исследовании прецедентных имен отечественных и зарубежных политических лидеров использован специализированный (массмедийный) оппортунистический (приспособленный) полнотекстовый закрытый корпус, включающий тексты из 228 федеральных и региональных российских периодических изданий за 8 лет (2000—2007 гг.) общим числом 2 138 959 статей с 879 687 056 словоупотреблениями. Индексирование корпуса и работа с конкордансами осуществлялись с помощью программы «Archivarius 3000 v. 4.21». Указанный корпус и методика его использования были созданы Э. В. Будаевым в процессе изучения исторической динамики метафорических моделей [Будаев 2010; 2011].

По материалам этого корпуса, частотность использования прецедентных имен наиболее известных политических лидеров России в современной массовой коммуникации характеризуют следующие показатели: Рюрик — 359 словоупотреблений, (Вещий) Олег — 124, Игорь — 441, Владимир (Святой) — 1028, Ярослав Мудрый — 468, Владимир Мономах — 53, Александр Невский — 972, Дмитрий Донской — 1189, Иван Калита — 194, Иван Грозный — 2845, Федор Иоаннович — 212, Борис Годунов — 872, Василий Шуйский — 41, Лжедмитрий — 258, Михаил Федорович — 199, Алексей Михайлович — 687, Софья Алексеевна — 141, Петр I — 2850, Екатерина I — 68, Петр II — 58, Анна Иоанновна — 348, Иоанн Антонович — 17, Елизавета Петровна — 551, Петр III — 110, Екатерина II — 973, Павел I — 913, Александр I — 647, Николай I — 1685, Александр II — 673, Александр III — 487, Николай II — 3436, Ленин — 6910, Сталин — 16 409, Хрущев — 2965, Брежнев — 2363.

В перечень рассматриваемых прецедентных имен включены только наиболее известные древнерусские князья. Опущены имена руководителей, которые возглавляли страну в постсоветскую эпоху, поскольку они воспринимаются как принадлежащие, скорее, к современному этапу развития страны.

При использовании данных материалов необходимо учитывать, что они основаны на неспециальном (адаптированном) корпусе, который не был размечен, т. е. включает прецедентные имена как в метафорическом, так и в стандартном употреблении. Следует принимать во внимание и то, что в данном корпусе в полной мере учтены прецедентные имена, использованные в художественных произведениях. Например, в рамках описываемого корпуса *Борис Годунов* — это не только реальный царь, но и герой трагедии А. С. Пушкина и одноименной оперы. Исследование показало, что при рассмотрении прецедентного имени *Борис Годунов* во многих случаях невозможно определить, кого имел в виду автор — героя художественного произведения или его исторический прототип.

В целом ряде случаев прецедентное имя послужило основой для наименования артефактов: крейсер «Владимир Мономах», автомобиль «князь Владимир», теплоход «Дмитрий Донской», охранное предприятие «Александр Невский» и др. Подобные словоупотребления также учитываются в адаптированном корпусе.

Отмеченные выше особенности использованного корпуса, на наш взгляд, не могут существенно исказить общую картину. Представленные данные ярко свидетельствуют о том, что «лидерами прецедентности» оказываются политические руководители советской эпохи: Сталин (16 409), Ленин (6910), Хрущев (2965). Среди русских царей «лидируют» Николай II (3436), Петр I (2850), Иван Грозный (2845), Николай I (1685). Наиболее известные древнерусские князья — Владимир Святой (1028), Дмитрий Донской (1189), Александр Невский (972). Разумеется, по этим цифрам нельзя объективно судить о роли соответствующих правителей в истории нашей страны, но эти данные определенным образом отражают значимость соответствующих прецедентных имен для современного национального сознания.

Приведенные ниже результаты качественного анализа прецедентных имен властителей России детальнее характеризуют то, как представлены соответствующие прецедентные имена в современной массовой коммуникации.

Легендарный основоположник российской государственности — предводитель варягов князь Рюрик, от которого ведут родословную древнейшие российские княжеские фамилии. В современных текстах Рюрик чаще всего упоминается не только как основоположник династии властителей России, но и в контексте приглашения руководителя «со стороны». Ср.: *Ситуация в Бурятии напоминает кро-*

вопролитные уособицы славянских кланов накануне прихода варяжских князей. И лишь пришедшая с Севера династия Рюрика на несколько веков сплотила русов в могучую и сильную державу. Вот и современная Бурятия отчаянно нуждается в независимо мыслящем опытным „варяге“ (А. Ильин // *Время новостей*. 15.05.2007).

В другом контексте выражение «от Рюрика до Ельцина» имеет смысл «на протяжении всей российской государственности, от первого до последнего (на тот момент) руководителя страны»: *Баланс, столь филигранно выстраиваемый в живой природе, а также во всех без исключения странах, во все без исключения времена, при всех без исключения строях — от правых до левых, от теологических до демократических и даже в самой России от Рюрика до Ельцина, — резко нарушен. Это не имеет ничего общего ни с русской национальной традицией, ни с интересами государства* (Ю. Магаршак // *Время новостей*. 21.03.2007).

Среди других князей эпохи Киевской Руси современные авторы в поисках аналогий нередко вспоминают об Игоре Рюриковиче, о Вещем Олеге, о Владимире Мономахе, о политическом неудачнике князе Игоре Святославовиче и плачущей по нему Ярославне, а также о Всеволоде Большое Гнездо, Ярославе Мудром и Владимире Мономахе. Ср.: *Мы с вами — Вещие Олеги. Потому что живем не дольше, чем он* (Ю. Гуцко // *Аргументы и факты*. 2010. № 17). *В мае созвали Съезд еще одних народных депутатов, теперь уже РСФСР. Эти, ценой титанических усилий, просунули-таки на место председателя Верховного Совета РСФСР будущего мономаха всея Руси Ельцина* (Е. Легостаев // *Завтра*. 11.07.2000). *Неистовый команданте теперь как Ярослав Мудрый. По крайней мере, именно орденом Ярослава Мудрого Фиделя Кастро Рус наградил Леонид Кучма во время визита на Остров свободы* (Коммерсант. 20.06.2000). *За тысячу лет мало что изменилось по существу, только вот, увы, такие мощные политики, как Ярослав Мудрый, редко возникают на горизонте истории* (Известия Мордовии. 3.11.2010). *Надеюсь, что по результатам выступления нашей команды и в Лондоне в 2012 году на летней Олимпиаде, и на Олимпийских играх в Сочи, тем более в Сочи, плача Ярославны не будет, а будет крик восторга и гордости за нашу национальную сборную* (В. В. Путин // *Российская газета*. 16.12.2010).

К сожалению, некоторые современные журналисты плохо знают историю, в результате чего слова Святослава оказались пред-

ставлены как прозвучавшие во времена князя Игоря: *Со времен князя Игоря у нас перепланировывается звучит: „Мертвые сраму не имут!“, и не Сергей ли Степашин во время одной из последних заварух чеченской войны совсем в духе сорок первого потянул из кобуры пистолет: помирать — так всем: и восемнадцатилетним пацанам, и генералам?* (Деловая Пенза. 11.08.2000).

Особенно часто в современных СМИ упоминается князь Александр Невский, который не только прославился победами над немецкими и шведскими оккупантами, но и обладал мастерством политического компромисса, позволившим найти взаимопонимание даже с Золотой Ордой. Ср.: *Святой князь Александр Невский прогибался еще больше — после победы на льду Чудского озера он не поленился поехать в Орду за ярлыком на княжение, и поцеловать руку хана не почел за труд. Я легко могу себе представить лучшего, чем Путин, президента — с глазами Серафима Саровского, лбом Льва Толстого и решительностью Чапаева. Но я не вижу сегодня лучшего реального кандидата на пост президента России* (И. Шамир // Завтра. 01.08.2007).

Среди властителей Московского периода современные журналисты и политики особенно часто вспоминают Дмитрия Донского и Ивана Калиту. Первый воспринимается как победитель в Куликовской битве и часто упоминается в ряду выдающихся российских полководцев, например: *Сталин отодвигал марксистскую компоненту с „пролетариями всех стран“ и „свободным развитием каждого“, нажимал на клавиши „Суворов“ и „Кутузов“, „Александр Невский“ и „Дмитрий Донской“, „Иван Грозный“ и „Петр Великий“* (Неприкосновенный запас — Наш современник. 2003).

В выступлении активиста Народно-патриотического союза Виктора Анпилова используется традиционный риторический прием: близкие ему политики ставятся в один ряд с людьми, которые, по мысли автора, на протяжении всей истории России были славой и гордостью страны. Показательно, что в этой когорте князь Дмитрий Донской оказался вместе не только с Сергеем Радонежским, но и с Разиным, Пушкиным и коммунистическими лидерами: *Какие люди! Бабурин, Тулеев, Варенников! Вот где силища! Вот где мощь нации!!! С нами Дмитрий Донской, с нами Сергей Радонежский! С нами Стенька Разин! Пушкин и Лермонтов! С нами Ленин, с нами Сталин!* (В. Анпилов // Завтра. 12.01.2002).

В противоположность Дмитрию Донскому, Великий князь Иван Калита постоянно

вспоминается как экономный правитель, сумевший укрепить и расширить свое государство без использования военной силы и значительных репрессий, и на этом основании противопоставляется более поздним лидерам, склонным к силовому решению проблем. Ср.: *Но, может быть, России сегодня нужен Иван Калита, который в час распада, ига, жестокого напора истории по крохам собирал бы страну, копил силы, действовал хитро, дипломатично, выгодно?!* (Д. Тукмаков // Завтра. 20.11.2001). *В Кремле у нас сейчас, увы, нет Ивана Калиты, который бы хотел и умел собирать народы, желающие жить вместе. Но если есть желание народов, новый Калита появится, дай только срок* (В. Бондаренко // Завтра. 6.02.2001).

Особенно часто в современных СМИ встречается прецедентное имя Иван (Иоанн) Васильевич Грозный. Он упоминается то как жестокий властитель, то как царь-преобразователь, ср.: *Вынырнув из прошлого, российская диктатура продолжается в будущем почти без перерыва, меняя только название: Иван Грозный, Петр Великий, Коба Страшный* (Н. Хрущева // Московский комсомолец. 05.03.2005); *Я не вижу здесь ничего бредового, — отмечает все сомнения лидер „фронта“ Вадим Гузинин. — Путин у нас здесь был, вклад свой внес. Я лично считаю, что нынешний президент — фигура уровня Ивана Грозного или Петра Великого* (И. Смелев // Московский комсомолец. 14.04.2004).

Эпизодически вспоминают современные журналисты и «царя» Симеона Бекбулатовича, имя которого оказывается символом формального царствования, бессилия и безвластия при наличии всех атрибутов верховной власти, например: *Задолго до случившейся 7 мая церемонии представители самых разных политических направлений сделали все возможное, чтобы эту церемонию девальвировать. Венчание на царство Симеона Бекбулатовича может быть триумфом глубоких политехнологий, но к мистерии власти такой триумф имеет слабое отношение. Во всяком случае, различные жесты и установки, исходящие из Кремля и его окрестностей, объективно работали на создание образа Симеона Бекбулатовича, то есть на упреждающую девальвацию* (М. Соколов // Эксперт. 2008. 12—19 мая).

В современных СМИ активно используются прецедентные имена царей, занимавших престол в Смутное время, или претендовавших на этот престол. Журналисты постоянно сопоставляют лидеров, возглав-

лявших Россию на протяжении последнего столетия, с царями Федором Иоанновичем, Борисом Годуновым, Василием Шуйским, а также с самозванцем (самозванцами) Лжедмитрием (Гришкой Отрепьевым, Тушинским вором). Ср.: *А кроткий, чистый, почти безупречный Николай II, пожалуй, более всего напоминая Федора Иоанновича, — не прощен тем более, чем, не по месту, не по времени, был он кротче и миролюбивей* (А. Солженицын // Российская газета. 27.02.2007); *А мне сдается, что Путин — не Иван Калита, а Борис Годунов, и после него будет не Куликовская битва, а новая Великая Смута. Осталось дождаться нового Самозванца и поляков в Кремле* (Форум. Отзывы читателей... // Завтра. 24.01.2007).

С царями периода Смуты журналисты постоянно сравнивают и президента Б. Н. Ельцина: *Что такое Шуйский? Шуйский — это в какой-то степени Ельцин. Поздний Ельцин. В этих сравнениях всегда есть некоторая доля натяжки, но они здесь настолько яркие, что даже при всей рискованности в них есть смысл* (М. Леонтьев // Труд. 03.11.2006); *Даже немощный Ельцин по ночам исповедуется Пушкину за свои злодеяния, стремясь уподобиться Ивану Грозному, хотя роль ему отведена в русской истории Гришки Отрепьева с его разорением России. Нет за Ельциным никакой присоединенной Казани, один лишь разор и мор...* (В. Бондаренко // Завтра. 15.06.1999).

Актуальные смыслы указанных прецедентных имен вполне предсказуемы: Федор Иоаннович символизирует собой прекраснодушную нерешительность, Борис Годунов — неспособность справиться с обстоятельствами, Василий Шуйский — чрезмерную зависимость от своих «ближних бояр», а Гришка Отрепьев (самозванец Лжедмитрий) — лживость и продажность. Нетрудно заметить, что сопоставление современных политических лидеров с царями и самозванцами начала XVII в., как правило, связано с негативной оценкой современных правителей.

Вполне закономерно и то, что Михаил Романов, вне зависимости от своих личностных качеств, становится олицетворением прекращения Смуты и начала новой династии, три столетия определявшей судьбы России, которая именно в тот период выдвинулась в ряд крупнейших мировых держав. Ср.: *Отчего, кстати, все-таки смуты? Оттого, что именно после смут на престол садятся Михаилы Романовы и основывают династии с законом о престолонаследии* (С. Землянов // Московские ново-

сти. 12.07.2003); *Придет рано или поздно новый Михаил Романов и нас возглавит, новый Иван Сусанин без всякой дудочки уведет интервентов, воров и шарлатанов в болото (уж чего-чего, а этого добра в России...), новые Строгановы дадут денег на армию и заводы, а новый Столыпин спасет крестьян...* (Б. Якеменко // Комсомольская правда. 06.04.2005).

При необходимости наши современники ищут аналогии и в эпохе царя Алексея Михайловича: *Впрочем, эти же вопросы задавал себе и царь Алексей Михайлович, пытавшийся в XVII столетии решить вопрос о том, на кого из украинских партнеров России, гетманов и кандидатов в гетманы, логичнее сделать ставку — и оптимальный ответ так и не был найден за его отсутствием* (А. Макашкин // Коммерсантъ. 12.02.2008).

Среди царей из династии Романовых современные политики и журналисты чаще всего вспоминают о Петре Великом, в котором видят сильного реформатора, коренным образом изменившего Россию: *В кого превращают Ельцина телекудесники и виртуозы пера? В „Царя“, в „Петра I наших дней“, в „феномен“, в „могучего русского мужика из глубинки во власти“. На наших глазах вновь переписывается история. Для тех, кто не знал или что-то пропустил, — Ельцин был „любим и почитаем народом“, „уважаем за рубежом“, а если и ошибался, то в точности, как Петр Великий: широко и „болея сердцем за Россию“* (А. Проханов // Завтра. 8.02.2000); *Поэтому здесь сегодня нужен герой, нужен Петр Первый, нужен модернизированный Сталин, нужен Рузвельт, де Голль, Пиночет, но никак не рыхлый человек типа Рогозина* (В. Жириновский // Российская газета. 22.07.2004).

Среди других российских властителей, правивших в XVIII в., особенно часто вспоминают об Анне Иоанновне, Елизавете Петровне и Екатерине Великой. Так, фактологической основой для прецедентного использования первой из названных императриц может быть история ее прихода к власти и беспримерное число иностранцев, оказавшихся в высших сферах российского государства и впоследствии удаленных от власти Елизаветой Петровной. Ср.: *Нынче мы свидетели новой редакции бироновщины в еще более громадных масштабах, чем это было два с половиной века назад. Тогда Анну Иоанновну посадили на престол на условиях известных „кондиций“. Складывается впечатление, что у Путина свои „кондиции“ по отношению к русскому наро-*

ду (В. Петров. Путин как Анна Иоанновна // Завтра. 18.02.2003); **Анна Иоанновна** умерла 17 октября 1740 года. После ее смерти под прикрытием имени малолетнего Иоанна VI Брауншвейгского страной продолжали верховодить все эти **карлы, густавы и рейнгольды**. Но долго это продолжаться не могло. 25 ноября 1741 года гвардия, совершив переворот, объявила императрицей дочь Петра. С „карлами“ **Елизавета** обошлась милостиво: всего лишь отправила в ссылку. Думается, что с нынешними карлами и карловичами, включая известного **Николая Карловича**, история обойдется не столь милостиво (В. Бушин // Завтра. 01.09.1998).

Прецедентные имена Павла I и Петра III чаще всего используются в контексте их насильственной смерти от рук придворных, недовольных деятельностью этих царей. Ср.: При этом всякий монарх должен помнить, что ему очень важно поддерживать равновесие между многочисленными группировками в окружающей его элите, в противном случае его ждет печальный конец, о чем убедительно свидетельствуют примеры **Петра III** и **Павла I**. Живучим на Руси оказывается только тот правитель, который склонен к консенсусу (Н. Архангельская // Эксперт. 10.12.2001).

Во многих контекстах рассматриваемые прецедентные имена упоминаются в связи с непониманием российских реалий, зудом неумеренного реформаторства и пренебрежительным отношением к достижениям предшественников. Журналисты считают, что подобные качества проявляли как некоторые цари, так и отдельные современные руководители: **Плоды Великой Отечественной войны были ликвидированы в одночасье. Горбачев, в сущности, был похож на Петра III, который после Семилетней войны, как только ему присягнули войска, свел на нет все теткинны достижения** (В. Еремина // Gazeta.ru. 08.08.2008); **Нынешние действия России на Кавказе порой напоминают конец Персидского похода. Нет ни единой рациональной причины, которой их можно объяснить. Это означает, что во главе России стоят люди, которые думают как Павел I** (Ю. Латынина // Эксперт. 2007. № 2 (2), 31 мая).

Во многих случаях современные политики и журналисты в поисках аналогий с современностью вспоминают о трех Александрях и двух Николаях, управлявших Россией с начала XIX в. до 1917 г. Нередко авторы сопоставляют действия современных политических лидеров с деятельностью то одного, то другого царя, причем предпочтение

чаще всего отдается Александру II. Ср.: **Валерию Гальченко предстояло сыграть роль ткачихи, предложившей президенту остаться на третий срок. „Сегодня муниципальное сообщество нуждается в лидере“, — изрек он. По его словам, муниципальной реформой занимались самые влиятельные люди. Например, царь Александр II. Хорошо еще, сравнил не с Николаем I** (Н. Меликова // Независимая газета. 24.10.2007); **Дмитрий Медведев поразительно похож на Николая II. Поскольку восприятие сместилось в сторону мужского — глазами, а не ушами, — смотрю на него с состраданием. Его не убьют, надеюсь (как не убили Ельцина, аналога Александра II), но по сути история повторяется. Путин — в роли Александра III. Но только все не буквально повторяется** (Т. Щербина // Независимая газета. 28.02.2008).

Негативно современные авторы чаще всего представляют Николая I, который не только жестоко расправился с декабристами, но и, растеряв бывших союзников, потерпел поражение в Крымской войне: **Тех слов, которыми поливал Россию батька [президент Белоруссии], мы не слышали ни от Буша, ни от Саакашвили, а вот поди ж ты! Кремль все-таки батьку терпит и бережет. Так в XIX веке Николай I поддерживал против революций любой монархический режим, из одного чувства авторитарной солидарности, — причем поддержанные режимы обыкновенно платили Николаю Павловичу черной геополитической неблагодарностью** (Ю. Латынина // Газета.ru, 8.01.07).

Даже такое качество царя, как стремление самому вникнуть в каждую деталь, лично все проконтролировать, воспринимается в негативном плане, ср.: **Задолго до форума Герман Греф лично приезжал, собирал оргкомитет. Как Николай I, обошел каждую караульную будку. В итоге все, за что отвечала Москва, — ниже ватерлинии паромы „Виктория“, на котором проживало большинство участников** (Б. Рынска // Известия. 14.06.2007).

Если сопоставлять образы царствовавших потомков Николая I, то можно заметить, что Александр II чаще всего упоминается как сторонник решительных либеральных реформ, политический лидер, много сделавший для страны, не оцененный по достоинству современниками и погибший от рук террористов. Ср.: **При этом Путин подчеркнута избегает выступать в роли Наполеона, Кемаля Ататюрка, генерала Перона, Петра Великого или Александра II, то есть в роли авторитарного реформатора** (С. Бабаева, Г. Бовт // Известия. 24.03.02); **Судьба Хруще-**

ва, как судьба Бориса Годунова и **Александра II**, — это печальная судьба реформатора в России, которая больше чтит кровавых диктаторов (С. Хрущев // Известия. 28.09.03).

Император Александр Александрович чаще всего упоминается как контрреформатор, консерватор, отказавшийся от курса своего предшественника на либерализацию. О политике Александра III нередко вспоминают, говоря об опасности сворачивания демократических реформ, положивших конец тоталитарному государству: *Вся эта политика абсолютно логична. Перед нами — очередное „подмораживание“ России, системная контрреформа, демонтаж ряда основных элементов ельцинских реформ (историческая аналогия — контрреформа Александра III в ответ на реформы Александра II)* (Л. Радзиховский // Известия. 18.10.04); *Существует угроза формирования общества сродни царствованию Александра III с его квасным патриотизмом, огосударственной церковью, политикой империалистического расширения и удешевления инакомыслия* (Н. Кочеткова // Известия.ru. 13.05.2005).

Авторы многих публикаций в том или ином контексте вспоминают знаменитую фразу Александра III о том, что главные союзники России — это ее армия и ее флот: *Тут уже совершенно очевидно, что желание отгородить РПЦ от политики, скорее, злонамеренно, чем наивно. Поэтому к известной формуле Александра III, согласно которой у России нет других союзников, кроме ее армии и флота, я бы добавил: и Русской православной церкви* (В. Третьяков // Известия. 05.02.09); *Директор одного важного агентства Дм. Орлов домелся до аналогии между реформатором-демократом Путиным и контрреформатором-самодержцем Александром III, который полагал и сыну заповедовал, что „теперь главные друзья России — ... армия и флот“*. Ничего, даже отдаленно похожего на этот близирующий посыл, у Путина нет (Э. Рудник // Известия. 19.05.06).

Показательно, что наши патриотическая и отчасти центристская пресса чаще всего сочувственно цитируют указанные слова императора, тогда как либералы-западники нередко воспринимают эту фразу как своего рода манифест изоляционизма, следствием которого может стать излишняя милитаризация государственной политики.

Николай II в современных СМИ чаще всего упоминается как слабый правитель, который не смог справиться с грузом ответственности и тем самым допустил кровавую

смуту: *Нежелание реформ во времена Брежнева создало предреволюционную ситуацию, как при Александре III и Николае II* (С. Хрущев // Известия. 28.09.2003); *То, что сейчас делает Путин, это консерватизм в духе Николая I или Александра III. А я бы предпочел консерватизм в стиле Александра II* (А. Закатнова // Независимая газета. 29.07.2000).

После канонизации Николая II можно было бы ожидать, что его имя чаще начнет употребляться с положительной коннотацией, но это пока характерно только для православных и национал-патриотических СМИ.

Можно заметить, что современные авторы используют прецедентные имена русских правителей преимущественно в негативном контексте; как правило, без всякого сочувствия вспоминают царей, которые не по собственной воле покинули трон и отправились в иной мир (*Петр III, Павел I, Иоанн Антонович*), ветреных цариц, баснословно одаривавших фаворитов, политических неудачников. Стабильно позитивный модус оценки имеют только имена собственные Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Калита и Алексей Михайлович. Преимущественно в положительном смысле упоминается также *Петр I*, но и ему нередко ставят в упрек методы, которые он использовал, когда «прорубал окно в Европу», в том числе «построенную на костях» столицу. Эпизодически в положительном плане используются также образы «реформатора» Александра II и Екатерины Великой, но и в их деятельности отмечается множество изъянов. Часто употребляются с негативной оценкой имена собственные Сталин, Иван Грозный, Николай II. Регулярно используются со стабильной негативной оценкой имена собственные Керенский и Лжедмитрий.

Видимо, неуважение к утратившим власть политическим лидерам — это такая же традиционная черта наших соотечественников, как и подбострастие к людям, стоящим у власти.

В целом представленный обзор свидетельствует, что область-источник «Российские монархи» активно используется современными политиками и журналистами, которые в поисках аналогий часто обращаются к истории России, сопоставляют современных руководителей страны с теми, кто властвовал в прошлые столетия, а современную политическую ситуацию — с тем, как жила наша страна в прошлом. Нередко подобные параллели становятся важным средством аргументации в современных политических дискуссиях, а позитивная или негативная оценка личности и политической

деятельности того ли иного монарха в значительной степени зависит от политических пристрастий автора.

Представленный обзор позволяет также выделить основные параметры, по которым целесообразно давать характеристику тому или иному прецедентному имени рассматриваемой сферы. К их числу относятся следующие свойства:

- высокая, средняя или низкая частотность, свидетельствующая о роли соответствующего концепта в национальном сознании;
- многополюсность (потенциал для акцентирования различных личностных и политических качеств) или однополюсность (возможность акцентирования лишь одного качества);
- преобладание негативной или позитивной оценки, а также типичность безоценочного использования;
- широкие, средние или минимальные возможности для коннотативного использования;
- использование преимущественно в одном виде дискурса (например, в политическом) или же типичность для различных видов дискурса;
- принадлежность к центральной зоне поля прецедентности или же к ее периферии.

Именно использование корпусной методологии дает возможность для точной характеристики каждого из перечисленных параметров. Учитывая низкую частотность многих рассмотренных имен властителей, мы сочли необходимым использовать специализированный многомиллионный оппортунистический корпус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М. : Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991.
3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2010.
4. Будаев Э. В. Гносеологический потенциал метода комбинированной фрагментации политического дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 11—17.
5. Гвишиани Н. Б., Герви О. Ю. Корпусная лингвистика и грамматика речи // Вестн. МГУ. Филология. 2001. № 2.

6. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М. : Гнозис, 2003.

7. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика дискурсивного анализа. — Екатеринбург, 2011.

8. Национальный корпус русского языка : сайт. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

9. Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы. — М., 2005.

10. Плунгян В. А. Зачем нужен национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы. — М., 2005.

11. Слышкин Г. Г. Концепт личности как элемент лингвокультурной историосферы (на материале концепта «Талейран») // *Ethnohermeneutik und cognitive linguistic*. — Landau, 2007.

12. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 3.

13. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.

14. *Corpus Linguistics: Readings in a Widening Discipline* / ed. by D. McCarthy, G. Sampson. — L. : Continuum, 2005.

15. Dipper S. Theory-driven and corpus-driven computational linguistics, and the use of corpora // *Corpus Linguistics: An International Handbook* / ed. by A. Lüdeling, M. Kytö. — Berlin : Walter de Gruyter, 2008. Vol. 1. P. 68—96.

16. Heid U. Corpus linguistics and lexicography // *Corpus Linguistics: An International Handbook* / ed. by A. Lüdeling, M. Kytö. — Berlin : Walter de Gruyter, 2008. Vol. 1. P. 131—153.

17. Leech G. Corpora and Theories of Linguistic Performance // *Directions in Corpus Linguistics*. — Berlin : Mouton De Gruyter, 1992. P. 105—122.

18. McEnery T., Wilson A. Corpus Linguistics: An Introduction. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 2001.

19. McEnery T., Xiao R., Tono Y. Corpus-Based Language Studies: An Advanced Resource Book. — N. Y. : Routledge, 2006.

20. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.

21. Pardo M. Linguistic Persuasion as an Essential Political Factor in Current Democracies: Critical Analysis of the Globalization Discourse in Argentina at the Turn and at the End of the Century // *Discourse and Society*. 2001. Vol. 12 (1). P. 91—118.

22. Rissanen M. Corpus linguistics and historical linguistics // *Corpus Linguistics: An International Handbook* / ed. by A. Lüdeling, M. Kytö. — Berlin : Walter de Gruyter, 2008. Vol. 1. P. 53—68.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов